

ИНДОНЕЗИЯ В 2014 году

Мы воздержимся от детального рассмотрения итогов парламентской и президентской кампаний в Индонезии в 2014 г.¹. Ограничимся общими замечаниями. В условиях фрагментации политических сил в Индонезии разнесение по времени выборов парламента и президента имеет негативные последствия. Поскольку ни одна партия не добивается результатов, позволяющих самостоятельно выдвигать кандидатов на посты президента и вице-президента, создаются коалиции, участие в которых мотивируется перспективами победы на выборах и последующим распределением постов в правительстве, но не общностью программ, и, таким образом, не коррелирует с волей избирателей, выраженной на парламентских выборах. Джакартская газета «Компас» писала 26 апреля 2014 г.: «Сначала завоевываются голоса, путем честного волеизъявления или подкупа, а затем создаются коалиции, где каждая партия тянет одеяло на себя». С 2019 г. обе кампании будут проводиться одновременно.

В результате парламентских выборов 9 апреля Демократическая партия Индонезии (борющаяся) (ДПИБ) получила 109 мест, мусульманская Партия национального возрождения (ПНВ) – 47, Национально-демократическая партия – 35, Партия народной совести – 16. Эти партии с 207 депутатскими мандатами (из 560) позже создадут коалицию «Могучая Индонезия» (Koalisi Indonesia Hebat). У партии Голкар 91 мандат, Движения великая Индонезия (Гериндра) – 73, Партии демократов (ПД) – 61, Партии национального мандата (ПНМ) – 49, Партии справедливости и процветания (ПСП) – 40, Партии единства и развития (ПЕР) – 39 (три последние – мусульманские), всего 353 места против 420 в предыдущем составе. Эти партии в ходе президентской кампании создали Красно-белую коалицию (Koalisi Merah-Putih), по цветам национального флага).

Президентская кампания характеризовалась беспрецедентной грубостью и неразборчивостью в приемах. Кандидата пер-

вой коалиции Джоко Видодо (Джокови, как его сокращенно, но вполне уважительно называют в Индонезии) обвиняли в том, что он втайне исповедует христианство, является коммунистом, сионистом и в его жилах течет китайская кровь. Его оппонента отставного генерала Прабово Субианто наряду с обоснованными обвинениями в нарушениях прав человека объявили шизофреником.

Характерно, что на стороне генерала П. Субианто выступили немногие представители военной элиты, где он не пользуется популярностью – многие считают, что своей карьерой он обязан женьитьбе на дочери президента Сухарто (позже он с ней развелся). Зато в его коалицию вошло большинство мусульманских партий, что, возможно, подтверждает его принадлежность к так наз. «зеленой фракции» в вооруженных силах и связи с Комитетом за солидарность мира ислама (Komite Indonesia untuk Setiakawan Dunia Islam).

Избрание тандема Джоко Видодо – Юсуф Калла, по крайней мере, в первом приближении знаменует победу принципа меритократии. Джокови начал карьеру мастером-мебельщиком, стал затем успешным предпринимателем, мэром города Соло (Суракарта) на Центральной Яве, а позже два года, до избрания президентом, был губернатором столичного округа. Он лишь отчасти обязан своим избранием лидеру ДПИБ Мегавати Сукарнопутри с ее наследственной харизмой и опытному политическому деятелю, и крупному предпринимателю Юсуфу Калла, ставшему вице-президентом. Отставной генерал Лухут Панджаитан, один из главных советников Д. Видодо в ходе кампании, а ныне глава его аппарата, видит основное различие между двумя кандидатами в том, что П. Субианто – выходец из военной сферы «нового порядка», а у Видодо «политические зубы» прорезались в пост-сухартовскую эпоху. Он обязан карьерой самому себе, а не семейным, военным или деловым связям². Профессор столичного Университета Индонезии Агнесс Давис, комментируя назначение губернатором Джакарты вместо Д. Видодо его заместителя Басуки Чахайя Пурнама, этнического китайца и протестанта по вероисповеданию, пишет, что многие индонезийцы поддерживают его потому, что он, как и Видодо, является аутсайдером³. Видодо в бытность губернатором Джакарты взял его к себе за-

местителем и отстоял от нападков исламистов и попыток министра внутренних дел добиться смещения Пурнама «для сохранения стабильности и спокойствия». Вероятно, репутация сторонника религиозной и этнической толерантности сыграла роль в избрании Д. Видодо, что говорит о позитивной динамике в политической культуре индонезийцев, хотя разницу голосов 53:47 в его пользу надо считать достаточно хрупкой.

Научный сотрудник Академии наук Индонезии (LIPI) Шамсуддин Харрис писал, что индонезийский народ проявил большую политическую зрелость, чем элита. События после выборов президента показали, что расколота именно она. После решения Конституционного суда, который отказал в иске П. Субианто по итогам выборов, люди вернулись к нормальной жизни, зато элита погрузилась в борьбу за места в ветвях власти, жаждет политического мщения, не желая признавать свое поражение⁴.

Почти за месяц до инаугурации президента и за пять дней до приведения к присяге нового состава депутатов, 26 сентября парламент голосами Красно-белой коалиции принял закон, отменявший прямые выборы глав провинций и регионов. Эта функция после почти 10-летнего перерыва возвращалась членам местных законодательных органов. Сторонники прямых выборов не без основания считают, что при этой системе партии в большей мере вынуждены выдвигать кандидатов в соответствии с их деловыми и личными качествами. Снижается возможность закулисных сделок, существующая при избрании их депутатами собраний. Возможно, именно это и не устраивало «красно-белых», памятуя опыт президентской кампании.

Президент С.Б. Юдойоно был разочарован тем, что фракция его Партии демократов отказалась участвовать в голосовании, а Д. Видодо призвал запомнить имена тех, кто поддержал закон, чтобы впредь не голосовать за них⁵. Подлинные причины поведения депутатов от ПД остались неизвестными. Возможно, это было вызвано двойственным положением партии, которая неожиданно для себя благодаря колебаниям самого президента оказалась вовлечена в Красно-белую коалицию, проигравшую президентские выборы. С.Б. Юдойоно одним из последних своих указов приостановил действие этого закона, и 11 декабря 2014 г.

первые лица всех партий КБК заявили, что их фракции одобряют этот указ⁶.

Воспользовавшись своим большинством в парламенте, приведенном к присяге 1 октября 2014 г., КБК провела законы, менявшие порядок формирования комиссий и замещения постов спикера и его заместителей. Ранее председателем парламента становился представитель партии, получившей относительное большинство мест. Таковой по результатам выборов 2014 г. была ДПИБ. Теперь же КБК заняла все посты, в ответ на что Фракция Великой Индонезии создала свои теневые фракции, что на какое-то время парализовало работу парламента. С.Б. Юдойоно еще раньше заявил, что его партия не примкнет ни к одной из коалиций и будет выступать как «уравновешивающий фактор»⁷. В ноябре коалиции пришли к компромиссу, но этот инцидент хорошо иллюстрирует тезис о «зрелости» элиты.

Голосами КБК был также принят закон, запрещавший Комиссии по борьбе с коррупцией возбуждать дела против законодателей без предварительного согласия палаты. Этот закон вызвал негативную реакцию в обществе, где парламента считается едва ли не самым коррумпированным органом власти⁸.

В статье, опубликованной 10 мая 2014 г. в джакартской газете «Компас», Д. Видодо изложил программу «Духовной революции» (Революции менталитета). Он обозначил как важнейшую проблему то обстоятельство, что индонезийцы в своем образе мышления чрезмерно погружены в прошлое. Несмотря на реформы, они еще не продвинулись вперед в сравнении с эпохой, когда президент Сухарто правил ими железной рукой. Сохраняются некоторые традиции, процветавшие при репрессивном «новом порядке» – коррупция, нетерпимость, алчность, эгоизм, склонность к насилию как средству решения проблем, неуважение к закону и оппортунизм. Чтобы преодолеть это наследие прошлого, кандидат в президенты призвал осуществить духовную революцию, которая должна включать:

- создание прозрачной политической системы, свободной от коррупции и запугивания;
- привлечение политических деятелей, которые должны больше полагаться на свои способности и опыт, чем на

деньги и близость к верхам, формирование бюрократии и политической системы, которые будут действительно служить народу.

Он указал, что стране нужны сильная армия для обороны и сохранения единства страны, сокращение внешнеэкономической зависимости, в частности, в области энергетики и продовольствия. Страна слишком зависит от иностранных инвестиций, которые направляются в добывающие отрасли и создают недостаточно рабочих мест. (Придя к власти, он станет активно привлекать иностранных вкладчиков, так что предвыборные пассажи скорее всего были ответом на растущие националистические настроения в стране).

26 октября президент обнародовал состав нового кабинета, состоявшего из 34 министров, в том числе четырех министров-координаторов, курирующих несколько министерств каждый. Четыре поста достались партии М. Сукарнопутри – должность министра-координатора по вопросам развития личности и культуры, на которую была назначена ее дочь Пуан Махарани, а также посты министров внутренних дел, кооперативов, мелкого и среднего предпринимательства, юстиции и основных прав человека. В рядах партии многие считали, что ее обделили при распределении портфелей, учитывая роль ДПИБ в избрании Джокови. Это не совсем справедливо. Лидер партии использовала свое влияние для назначения на видные посты в правительстве и аппарате президента близких ей людей, формально не являющихся членами ее партии. Четыре портфеля у Партии национального возрождения (министерства труда, исследований и технологий, молодежи и спорта, развития отсталых регионов и трансмиграции). Национально-демократической партии достались три поста – министра-координатора по вопросам политики, права и безопасности, которым был назначен адмирал в отставке Теджо Эдди Пурджианто, бывший начальник штаба ВМФ, а также портфели министров сельского хозяйства и окружающей среды и лесного хозяйства. Президент по традиции оставил пост министра по делам религий за Партией единства и развития. Остальные должности получили беспартийные профессионалы.

Президента упрекали за то, что в кабинете слабо представлены так называемые внешние острова – только четыре министра

были выходцами из восточной Индонезии, остальные – уроженцы Явы и Суматры⁹. Неоднозначной была реакция на назначение министром обороны генерала в отставке Рьямизарда Рьякуду. Впервые за 12 лет на этом посту оказался кадровый военный. Его обвиняли в жестокостях в ходе подавления сепаратистов в Аче. Возможно, президент хотел установить некий мост между ним и все еще влиятельной армией. Представитель госдепартамента США Джен Псаки сказала, что не располагает сведениями о нарушениях генералом прав человека¹⁰. Будучи командующим Стратегическим резервом в 2001 г., Р. Рьякуду сыграл важную роль в смещении президента А. Вахида (его солдаты и танки окружили дворец). Сменив А. Вахида, М. Сукарнопутри назначила генерала начальником штаба сухопутных войск. Теперь ей приписывали инициативу его назначения министром обороны¹¹.

Забегая вперед, укажем, что еще одно кадровое решение Джокови вызовет неоднозначную реакцию, а именно: назначение начальником государственной полиции генерала Буди Гунавана, адъютанта М. Сукарнопутри в бытность ее главой государства, от которого ему пришлось отказаться на грани политического кризиса. Что касается Р. Рьякуду, то он утверждал, что именно ему удалось убедить П. Субианто «зарыть топор войны» с Джокови, благодаря дружеским отношениям с проигравшим кандидатом¹². Во всяком случае П. Субианто действительно посетил 17 октября своего соперника и состоялось примирение, 20 октября он присутствовал на церемонии инаугурации, а позже одобрил состав кабинета¹³. Он также встретился с Ю. Калла. Они попросили друг у друга прощения за резкости, допущенные в ходе президентской кампании, и генерал сказал, что правительству нужно дать возможность работать. «Мы поддержим все шаги, направленные на процветание Индонезии», сказал он¹⁴. Впрочем, есть мнение, возможно небезосновательное, что он «затаился» и выжидает удобного момента для нападения.

Политолог из Университета Индонезия Арби Санит считает: «Д. Видодо популярен среди простого народа. Его позиции слабы, и он нуждается в военных как в якорю». Есть мнение, что, привлекая в свою администрацию военных, президент противостоит давлению старой гвардии, прежде всего М. Сукарнопутри, лидера Национал-демократической партии Сурья Палоха и вице-

президента Ю. Калла¹⁵. В этом же свете рассматривается и назначение на один из самых влиятельных постов в государстве отставного генерала Лухута Панджаитана, о чем говорилось выше. В дальнейшем поведение М. Сукарнопутри не всегда было достаточно тактичным, и она была склонна преувеличивать влияние ее партии, в частности, при принятии решений президентом. В то же время газета «Компас» опубликовала материал «Бизнесмены властвуют во дворце», где говорилось, что Ю. Калла назначил главой своих советников Софьяна Вананди, владельца двух крупных компаний и до 1 декабря 2014 г. председателя Ассоциации предпринимателей Индонезии, этнического китайца. По некоторым данным, их связывает давняя дружба и С. Вананди способствовал формированию тандема на президентских выборах¹⁶.

Но примирение в верхах не означало, что кризис миновал. Коалиции в парламенте продолжали существовать, хотя положение внутри некоторых партий КБК было критическим. В Партии единства и развития широко распространилось недовольство политикой ее лидера Сурьядарма Али (ранее министр по делам религий), навязавшего партии курс на поддержку П. Субианто. ПЕР оказалась наименее успешной из всех мусульманских партий на выборах в парламент (всего 6,5% голосов), затем потерпели поражение П. Субианто – Х. Раджаса и, наконец, КБК не дала ПЕР ни одного места в органах парламента.

В октябре 2014 г. в Сурабае состоялся съезд ПЕР, который при наличии соответствующего кворума избрал председателем партии Мухаммада Ромахурмузи вместо С. Али. Главной претензией к смещенному лидеру было даже не то, что он находился под следствием за причастность к коррупции при распределении квот на паломничество в Мекку. Более тяжелой виной С. Али было то, что он настоял на присоединении ПЕР к КБК. Один из членов нового руководства Джан Фаридз заявил, что не видит смысла оставаться в Красно-белой коалиции. «Мы там ничего не получили, никакой пользы не извлекли. А с Великой Индонезией еще не пробовали... Может быть, она и даст нам какие-то посты. Почему бы и нет? У правительства постов много – послов, комиссаров госкомпаний и другие. Может быть и дадут... Нам были обещаны стратегические позиции, но партия не получила

ничего. Что нам делать в этой коалиции?»¹⁷. Результаты сурабайского съезда были сразу же утверждены министром юстиции и по правам человека¹⁸. В начале 2015 г. суд отменил решение министра, и вопрос остался в подвешенном состоянии.

Раскол в Голкаре был вызван главным образом тем, что эта партия бюрократии получила на парламентских выборах 14% голосов против 22% в 2004 г. и впервые за 50 лет существования оказалась за бортом исполнительной власти. Лидер партии Абуризал Бакри, делая хорошую мину при плохой игре, заявил, что Голкар станет уравнивающим фактором по отношению к правительству¹⁹, и под этим девизом открыл 30 ноября 1X съезд партии на острове Бали. Против него выступил генсек партии Агунг Лаксоно. Он сформировал «Президиум спасения партии» и назначил съезд Голкара в Джакарте в противовес балийскому, который объявил незаконным.

На Балийском съезде А. Бакри был избран председателем партии. Пресса отмечала, что на его закрытии отсутствовали представители Партии демократов и Партии национального мандата. Представитель ПД покинул конгресс в знак протеста против решения, отвергавшего указ президента об отмене закона о местных выборах²⁰. Вскоре глава парламентской фракции Голкара Аде Камарудин заявил, что его фракция поддержит указ С.Б. Юдойоно о сохранении системы прямых выборов глав регионов, а балийские решения были лишь рекомендацией²¹.

На съезде отколовшейся части Голкара в Джакарте 6 декабря А. Лаксоно был избран главой партии, как сообщалось, благодаря поддержке вице-президента Ю. Калла, бывшего в свое время главой Голкара²². Съезд призвал распустить Красно-белую коалицию. На закрытии А. Лаксоно заявил: «Мы выйдем из КБК, но это не значит, что мы автоматически присоединимся к Коалиции могучей Индонезии. Я верну Голкар к его изначальной доктрине как партии, которая должна быть с правительством, в противовес А. Бакри, который видит Голкар в оппозиции»²³.

Министр юстиции и по правам человека Ясонна Лаоли отказался регистрировать партию А. Лаксоно, предложив фракциям самим урегулировать конфликт. Он сказал, что хочет избежать вмешательства правительства и, как и министр-координатор Т.Е. Пурджианто высказался за примирение фракций²⁴. Как и в

случае с ПЕР, вопрос о статусе обеих фракций вплоть до начала 2015 г. остался подвешенным.

Партия демократов тоже оказалась в сложном положении. Ее успех на парламентских выборах 2009 г. объяснялся тем, что лидер ПД С.Б. Юдойоно был действующим президентом и реально претендовал на второй срок. В 2014 г. она получила всего 11% мест в парламенте, отчасти вследствие серии коррупционных скандалов, преследовавших ПД в последние годы. В начале сентября подал в отставку член ПД министр энергетики и минеральных ресурсов Джеро Вачик, подозревавшийся в злоупотреблениях на сумму 9,9 млрд. рупий (около 80 тыс. долл.)²⁵. В ряде выступлений С.Б. Юдойоно прослеживалась линия на дистанцирование от обеих коалиций. Аналитики упрекали С.Б. Юдойоно и М. Сукарнопутри, что они не поднялись над обидами, относящимися к 2004 г., и не вступили в сотрудничество.

Одна из серьезных проблем, стоящих перед новым президентом, выстраивание отношений с военной элитой. Его положение труднее, чем у предшественников – ведь даже С.Б. Юдойоно, четырехзвездный генерал, не мог похвастаться полным повиновением генералитета. Газета «Джакарта пост» в редакционной статье, посвященной очередной годовщине вооруженных сил писала, что самая большая опасность заключается в том, что гражданские лица в окружении президента будут искать поддержки военных, как это в свое время делала М. Сукарнопутри. Армия продолжает считать себя главным хранителем нации. Так, она объявила высшую степень готовности накануне дня оглашения результатов выборов президента. Для общественности не всегда очевидно, что по существующим законам армия занимается вопросами внутренней безопасности только по просьбе полиции²⁶.

Генералы, находящиеся не только в отставке, но и на действительной службе, выступают с весьма далеко идущими заявлениями. Отставной генерал Саидиман Сурьохадипроджо писал в газете «Компас» 4 сентября 2014 г., что определенные силы фактически хотят подменить принципы Панча сила идеологией неолиберализма. С каждым днем, по его оценке, сокращаются усилия по внедрению этих принципов в жизнь, в особенности после реформ, начатых в 1998 г. Генерал призвал пересмотреть

поправки, внесенные в конституцию, вследствие чего она стала противоречить Панча сила. В начале 2014 г. главнокомандующий вооруженными силами страны генерал Мулдоко, выступая перед студентами-мусульманами, заявил, что с началом реформ новые ценности не были обретены, а старые оставлены. «Четыре столпа» (государственная идеология, конституция 1945 г., принцип унитарного государства и лозунг «Единство во многообразии») как бы отошли в прошлое, уступив новому стилю жизни с его сиюминутностью, приспособленчеством, отвращением к труду. В результате Индонезия стала неконкурентоспособной и слишком зависит от других стран²⁷. Генерал отразил распространяемую в старшем эшелоне армии оценку демократических реформ.

Весь 2014 год отмечен усилиями по долгосрочному наращиванию военного потенциала страны. Это по преимуществу связано с ростом напряженности в Южно-Китайском море и некоторых других районах. Выступая на церемонии передачи нового вооружения флоту в Сурабае, президент С.Б. Юдойоно сказал: «Мы не хотим войны, но если придется воевать и защищать наш суверенитет, то мы к этому готовы. Мы наращиваем силы ВМФ»²⁸. Министр обороны в его кабинете Пурномо Юсгианторо сообщил в начале 2014 г. о планах создания четырех объединенных командований с центрами в Аче, провинции Риоу (восточная Суматра), Папуа и Аттамбуа (провинция Восточная Нусатенггара). В их состав будут включены под единым командованием части сухопутных войск, авиации и флота. Места для развертывания были избраны – в Аче ввиду угрозы сепаратизма в этой провинции и для обеспечения безопасности судоходства в Малаккском проливе, в Риоу ввиду напряженной ситуации и территориальных споров в Южно-Китайском море, в Папуа (активность сепаратистов) и в Аттамбуа (западный Тимор) ввиду близости к Тимору Леште и Австралии, где наблюдаются значительный поток незаконных мигрантов и связанные с этим нарушения индонезийской границы с австралийской стороны²⁹. Нарушения вызваны действиями австралийских кораблей, выдворяющих мигрантов из территориальных вод Австралии в морское пространство Индонезии.

Расходы на оборону к 2020 г. должны достигнуть 20 млрд. долл. в год³⁰. Развитие оборонного потенциала должно идти по двум направлениям – собственное производство вооружений (в ряде случаев с иностранным участием) и приобретение военной техники за рубежом с передачей технологий индонезийской стороне. Примером могут служить планы развития подводного флота. Индонезия намерена иметь 12 подводных лодок. На первом этапе будут построены три лодки, из них две – в Южной Корее и одна в Индонезии, причем корейская сторона предоставит необходимую документацию и технологии. Остальные ПЛ будут строиться в Индонезии. Судостроительной компании PT PAL в 2014 г. выделено 250 млн. долларов на строительство верфей, подготовку персонала и другие расходы³¹.

Программа производства систем вооружения на 2010-2029 гг. предусматривает, что Индонезия будет самостоятельно производить надводные корабли, реактивные истребители, транспортные самолеты, средние танки, бронетранспортеры, ракетное оружие и топливо, РЛС, средства связи, боеприпасы, авиабомбы, торпеды и др.³². Примечательно, что значительную часть закупок составляют танки. В начале 2014 г. сообщалось, что Индонезия приобрела в ФРГ 103 танка «Леопард» и 50 танков «Мардер» на общую сумму 280 млн. долл. На вооружении Стратегического резерва сухопутных войск находился 41 танк «Леопард»³³.

По данным вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, с июня 2014 г. в Индонезию начали прибывать истребители F-16. Поставки на основах продажи в общей сложности 24 единиц на сумму 700 млн. долл., завершатся в 2015 г. Еще на 700 млн. долл. будут поставлены боевые вертолеты AH-64 и на 12 млн. долл. ручные противотанковые гранатометы. Отмечается, что Джакарта довольно терпимо отнеслась к разоблачениям Сноудена о шпионской деятельности США в Джакарте в сравнении с реакцией на такие же разоблачения, касавшиеся Австралии. В апреле 2014 г. в США обучались 260 индонезийских военнослужащих, к сентябрю их число должно было удвоиться³⁴.

7 января 2015 г. подписано соглашение между Министерством обороны Индонезии и американским Defense Institution

Reform Initiative о сотрудничестве в 2015 г. Как сообщил секретарь Министерства обороны Индонезии генерал-лейтенант Эдвин Прабово после подписания, в истекшем году DIRI оказал Индонезии содействие в разработке стратегических планов обороны страны на 2015-2019 гг. По его словам, содействие оказывалось генштабу Вооруженных сил и каждому из трех видов ВС, причем предложенные программы были оптимальными³⁵. Председатель первой комиссии парламента Махфудз Сиддик выразил резкий протест против иностранного вмешательства в вопросы, сопряженные с государственным суверенитетом, и потребовал объяснений от Министерства обороны³⁶.

В конце декабря 2014 г. генерал Мулдоко сообщил, что принимаются меры, чтобы сделать вооруженные силы страны самыми мощными среди армий стран АСЕАН, «старшим братом» в интересах обеспечения порядка в ЮВА³⁷. Через несколько дней он сделал более далеко идущее заявление, обозначив Индонезию как старшего брата в АСЕАН, поскольку она играет ключевую роль в обеспечении региональной безопасности и стабильности. По его словам, в контактах с военачальниками КНР и США он выражал надежду, что обе страны не будут дестабилизировать обстановку в регионе АСЕАН. Представителю МИД Индонезии пришлось выступить с уточнением, что под термином «большой брат» имелось в виду тесное сотрудничество. «Несмотря на размеры Индонезии, мы не намерены навязывать региону свои интересы»³⁸.

Тогда же Мулдоко после совещания высшего военного руководства заявил, что армия намерена взаимодействовать с рядом министерств в интересах развития и процветания страны. Для этого у нее есть все необходимое – системы управления, совершенные структуры и инфраструктура. На этом совещании присутствовали министры-координаторы по вопросам обороны и безопасности и по морским делам, министр финансов, председатель планового совета и другие³⁹.

Еще более выпукло вырисовывается эти тенденции после прихода к власти Д. Видодо. Генералы настойчиво позиционируют армию как самостоятельную политическую силу, и главным образом делает заявления, выглядящие как вторжение в сферу общей политики, в прерогативы главы государства. Высказывания

нового министра обороны Р. Рьякуду также создали впечатление, что он стремится вернуть армии ее дореформенные функции, включая участие во всех областях политической жизни. Указав, что главная угроза для Индонезии развивается внутри страны в форме терроризма и экстремизма, он указал, что к борьбе с этой угрозой нужно привлечь армию, дав ей представительство в парламенте⁴⁰. Министерство обороны выступило с инициативой принятия программы воспитания патриотизма у студентов под лозунгом «Защитить государство». Представитель министерства ссылаясь на моральный упадок в среде молодежи. Воспитание должно включать пять основных позиций: любить страну, ощущать принадлежность к нации, верить в государственную идеологию, быть готовым к самопожертвованию во имя нации, быть способным защитить страну. Предлагается возродить военизированные студенческие отряды, ликвидированные в 1998 г.⁴¹. Новый министр обороны и главком говорят о возобновлении программы, которая до 1998 г. называлась «Армия идет в деревню», об участии военных в обучении крестьян ведению сельского хозяйства (!), в строительстве дорог и мостов. В начале 2015 г. было объявлено, что армия будет содействовать развитию правильного религиозного направления в сельской местности, что нашло поддержку Министерства по делам религий⁴².

Новый президент, как и его предшественник, намерен уделять существенное внимание наращиванию военного потенциала, и в этом отношении его позиции совпадают с позициями генералов. На встрече с членами Комитета по разработке политики в области оборонной промышленности 30 декабря 2014 г. Видодо фактически повторил высказанный за несколько дней до этого тезис генерала Мулдоко, поставив задачу превратить индонезийскую армию в силу, с которой будут считаться все в регионе. Для этого нужно развивать оборонную промышленность, добиваясь самодостаточности, причем в качестве перспективных партнеров он назвал Южную Корею, США и страны Западной Европы⁴³. Создается впечатление, что Индонезия диверсифицирует связи в этой сфере, памятуя санкции, которые в свое время наложили на нее США.

Сказанное вполне вписывается в общую доктрину президента. Выступая на восточноазиатском саммите 13 ноября 2014 г., Видодо указал, что центр тяжести в геополитике и в геоэкономике смещается с Запада в Восточную Азию. Отсюда рост значения морских сообщений. «Мы хотим, чтобы Индийский океан и Тихий океан оставались мирными и безопасными для мировой торговли и не использовались как платформа для захвата природных ресурсов». Пункты доктрины включают:

- перестроить морскую культуру Индонезии; страна, состоящая из 17 тысяч островов, должна видеть в океанах часть своей самобытности. Ее процветание и будущее зависят от того, как она использует океаны;
- сохранять морские ресурсы, обеспечивая продовольственную безопасность через развитие рыболовства;
- сделать приоритетным развитие морской инфраструктуры и морских коммуникаций, создав дороги вдоль побережья Явы, построив глубоководные порты и логистическую систему, а также развивая судостроение и морской туризм;
- по дипломатическим каналам Индонезия приглашает другие страны сотрудничать на морях, устранять источники конфликтов, такие как незаконный вылов рыбы, нарушения суверенитета, территориальные споры, пиратство, загрязнение морей;
- Индонезия должна развивать силы обороны на морях не только для обеспечения своих суверенных прав, но и в плане ее ответственности за безопасность на морях⁴⁴. (Еще ранее Джокови призвал возродить лозунг Сукарно – «В морях наше величие»⁴⁵. Вообще он нередко обращается к наследию Сукарно, в частности, вернув в политический обиход провозглашенные отцом-основателем Республики в 1963 г. «три святыни» – независимая внешняя политики, самообеспеченность в экономике и национальная самобытность.

Газета «Джакарта пост» 14 ноября 2014 г. отмечала, что осуществление морской доктрины требует изменить образ мышления военной элиты, большего внимания развитию флота.

Как сигнализировал еще в начале 2014 г. политолог Ю. Сударсоно, армия обеспокоена тем, что правительству не удастся обуздать религиозных экстремистов и коррупцию, и, если гражданская власть окажется неспособной обеспечить плюрализм общества, военным придется выступить на первый план и обеспечить действенность демократии⁴⁶. Эта оценка достаточно точно характеризует место религиозной проблематики в жизни страны. Системные мусульманские партии набрали на выборах в парламент более 30% голосов, что выглядело как несомненный успех. Больше всех голосов получили Партия национального возрождения, в руководство которой входит этнический китаец, христианин по вероисповеданию (9,1%), и Партия Национального мандата, в которой также состоит известное число не мусульман (7,6%). Более ортодоксальные Партия справедливости и процветания и Партия единства и развития – соответственно 6,9% и 6,5%.

Но после выборов основатель Партии национального мандата А. Раис говорил: «Блок исламских партий не сможет в одиночку решить проблемы страны. Нужно участие националистических партий»⁴⁷. Когда началось формирование коалиций для выдвижения кандидатов в президенты, только ПНВ поддержала Д. Видодо и Ю. Калла, остальные выступили на стороне П. Субианто. Кандидатом в вице-президенты здесь стал лидер ПНМ Х. Раджаса, что, вероятно, дало этому тандему некоторое число голосов мусульман.

Видный индонезийский исламовед проф. Азьюмарди Арза, признавал, что число нарушений на религиозной почве в 2014 было ниже, чем в предшествующие годы, однако религиозная тематика активно присутствовала в предвыборной полемике. Вместе с тем он отмечает, что обвинения Д. Видодо в том, что он является тайным христианином, не вызвала у населения сколько-нибудь активной реакции⁴⁸. Газета «Джакарта пост» писала в редакционной статье 4 июля 2014 г.: «Нас вдохновляет то, что один кандидат (Д. Видодо) фактически отказался от полемики, основанной на религии. Но ужасно, что другой связан с радикальными исламистами, которые ведут к распаду секулярной основы государства».

По данным Института им. А. Вахида на декабрь 2014 г., число нарушений в сфере религиозной терпимости и плюрализма, и плюрализма действительно снизилось с 245 в 2013 г. до 158 в 2014 г. В то же время весьма их значительная часть приходится на государственные структуры – полицию, органы власти, судебные органы. В 2009 г. на них пришлось из 153 нарушений 40, в 2010 г. – из 240 – 87, в 2011 г. – из 317 – 122, в 2012 г. из 363 – 166, в 2013 г. из 280 (по другим данным 245) – 121⁴⁹. Власть как бы стала заложницей сил, олицетворяющих религиозную нетерпимость, элита в центре и на местах была склонна уступать давлению радикалов. До сих пор не восстановлены в своих правах шииты и члены секты Ахмадия. При этом Национальная комиссия по правам человека в докладе по итогам 2014 г. отмечала рост числа случаев дискриминации по религиозным мотивам. Число поступивших жалоб составило 67 против 39 в 2013 г. Среди нарушений закрытие или разрушение культовых сооружений, угрозы и насилие против представителей религиозных меньшинств, препятствия осуществлению обрядов. Большинство случаев имели место на Западной Яве.

Ответственность за эти правонарушения, по мнению Комиссии, несли неправительственные организации, такие как Фронт защитников ислама или наращивающая свое влияние организация *Bali Ajeg*, отстаивающая чистоту балийской культуры. Но не меньшая вина лежит на местных властях и на должностных лицах министерств по делам религий и внутренних дел, а также государственной полиции. Они, в частности, преследовали секту Ахмадия, шиитов, христианские общины. Отмечается дискриминация женщин, особенно, принадлежащих к официально непризнанным вероисповеданиям. Безнаказанность в сочетании с углубляющимся социальным неравенством играла на руку экстремистам⁵⁰.

Правительство С.Б. Юдойоно было всерьез обеспокоено ростом влияния в стране сторонников Исламского государства Ирака и Ливана, видя в ИГИЛ реальную угрозу. «Мы не должны терять бдительность, говорил президент, считая, что опасность находится где-то за морями, на Ближнем Востоке. Если не будем бдительны и не примем меры, то насилие придет и сюда»⁵¹.

Генерал Аншаад Мбаи, глава антитеррористического ведомства Индонезии при президенте С.Б. Юдойоно, писал, что политический ислам «чрезвычайно изобретательно используется и даже эксплуатируется Западом в интересах упрочения своих позиций в мире после «холодной войны», для присвоения природных богатств (нефти) и для завоевания превосходства в мировых масштабах. Это движение нередко используется также для заговоров в целях свержения правительств мусульманских стран, которые, как считает Запад, угрожают его интересам, или хотя бы для изменения их политического курса в соответствии с желаниями Запада⁵².

Интересно, что это пишет деятель индонезийских спецслужб. Если генерал так высказался в печати, можно себе представить настроения за кулисами. На семинаре в августе 2014 г., где мусульманские организации обсуждали меры по борьбе с распространением идей ИГИЛ, А. Мбаи призвал активизировать роль умеренных мусульман в противодействии радикализму, одновременно ужесточив законы против экстремистов. Ему возражал заместитель председателя Совета улемов Индонезии Мааруф Амин. Он считает, что излишняя жестокость даст обратные результаты: «Многие попавшие под влияние радикализма, еще не понимают, что дозволено и что не дозволено в религии. Их еще можно дерадикализовать, убедить в том, что они неправы, и этим надо заниматься»⁵³.

Находящийся в заключении лидер исламистов Абу Бакар Башир передал своим сторонникам указание поддерживать «братьев» в борьбе за ИГИЛ. Он собрал единомышленников и родственников в тюрьме на острове Нусакамбанган. В печати появилось его фото в окружении 12 сторонников под черным флагом ИГИЛ. Возникает вопрос, почему в одной из самых охраняемых тюрем, заключенный мог организовать такую встречу с «фотосессией». Характерно, что в начале 2015 г. именно командование армии потребовало от администрации тюрьмы ужесточить режим для А. Башира⁵⁴.

Лидеры организаций, которые признают А.Б. Башира своим высшим лидером, установили связи с ИГИЛ и даже создают сеть организаций этого движения в Индонезии⁵⁵. Правительство запретило любые формы поддержки ИГИЛ, видя в этом движе-

нии угрозу для существования индонезийского государства, целостности страны и национальной идеологии⁵⁶. Д. Видодо призвал крупнейшие мусульманские организации страны Мухаммадья и Нахдатул Улама поддержать усилия правительства, направленные против терроризма и радикализма. Он высказался за то, чтобы в этих усилиях предпочтение отдавалось религиозному и культурному подходам. В этих сферах, а не в области служб безопасности должна вестись основная борьба против терроризма и радикализма. Подход под углом зрения безопасности проявил свою неэффективность во всем мире. Лидеры мусульманских организаций согласились с ним. В известной мере эта позиция была характерна и для предыдущего правительства. Еще в сентябре президент С.Б. Юдойоно заявил в Нью-Йорке, что борьба с ИГИЛ не может быть эффективной, если сводится только к силовым методам. Нужен политический подход, чтобы новые поколения не пошли по этому пути⁵⁷. В этой связи ставится вопрос о более пристальном внимании к тем экстремистам, которые освобождаются из тюрем, оказании им помощи в возвращении в общество, приобретении профессии.

Назначенный Д. Видодо новым главой Национального комитета по борьбе с терроризмом генерал Сауд Усман Насутион с тревогой отмечал рост числа сторонников ИГИЛ в Индонезии. Если на июнь 2014 г. из Индонезии на Ближний Восток с целью поддержки ИГИЛ выехали 86 человек, то к октябрю их было уже 264. В целом их число достигло 514. Он призвал мусульманские организации активнее включаться в борьбу против экстремизма. Примечательно, что в свое время на афганскую войну из Индонезии выехали в общей сложности не более 300 человек⁵⁸. Это приводит к выводу, что мотивы участия индонезийцев в событиях на Ближнем Востоке носят преимущественно антизападный характер, значительно превосходящий антисоветские настроения, порожденные войной в Афганистане.

Лидер НУ Саид Акил Сирадж считает, что ИГИЛ завербованы уже тысячи молодых индонезийцев. ИГИЛ привлекательно для молодых людей, не имеющих работы, для бедняков, которых соблазняют большими деньгами. Поэтому надо ограждать деревенскую молодежь от радикализма. «Плохо, если они привезут с

Ближнего Востока джихад вместо любви к родине. В первую очередь надо защищать родину, а не религию», сказал он⁵⁹.

Президент Д. Видодо говорит: «На всех встречах с мировыми лидерами я внушаю им, что Индонезия – самая большая мусульманская страна в мире... В Индонезии ислам и демократия идут рука об руку»⁶⁰. Это выглядит некоторым приукрашиванием реальности, но было бы неверно и преувеличивать глубину исламского радикализма в сознании масс. Самый характерный пример – утверждение христианина-китайца Басуки Пурнама в должности губернатора столицы в 2014 г. Его этническая принадлежность и вероисповедание стали поводом для экстремистских акций со стороны Фронта защитников ислама, который, как выяснилось, связан с партией П. Субианто и поддерживал ее на выборах. После того, как действия Фронта вылились в насилие, официальный представитель партии Фаджар Сиддик подтвердил, что Фронт обычно согласовывает с ней свои акции, но в случае с Пурнама это, к сожалению, не произошло⁶¹. Действия Фронта, однако, не получили сколько-нибудь существенной поддержки населения и утверждение нового губернатора прошло практически без помех и фактически стало успешным тестом столичного общества на плюрализм и терпимость. (Сложнее у нового губернатора сложились отношения с муниципальным собранием, когда он нашел злоупотребления при составлении бюджета).

Когда власть идет на поводу у исламистов, дело оборачивается драмой, иногда фарсом. Первый пример. В Аче введено положение, обязывающее не-мусульман соблюдать законы шариата. Нарушители подвергаются наказаниям на основе шариата, если нарушение не предусмотрено уголовным кодексом. Правозащитники считают этот закон дискриминационным⁶². Второй пример. По настоянию мусульманского духовенства Западной Явы из программы фестиваля, намеченного на 2016 г., исключены танцы, в которых мужчина и женщина касаются друг друга. Танец ча-ча-ча в программе оставлен⁶³.

Создается впечатление, возможно, преждевременное, что правительство Д. Видодо намерено всерьез заняться проблемами религиозной терпимости. На встрече с представителями меньшинств 5 ноября 2014 г. новый министр внутренних дел Чахьо

Кумоло обещал принять меры против местных властей, которые игнорируют случаи несправедливости по отношению к меньшинствам. Он призвал отменить местные акты, оправдывающие такую дискриминацию. «Индонезийское государство не основано на одной религии. Оно основано на конституции, которая признает и защищает все вероисповедания». Во встрече участвовали представители секты Ахмадия, протестантских общин в Бекаси и Богоре и нескольких традиционных верований⁶⁴. Выступая на семинаре «Роль правительства в защите прав верующих» 18 декабря 2014 г., министр по делам религий признал, что права граждан, исповедующих верования и религии помимо шести признанных (ислам, протестантизм, католичество, буддизм, индуизм и конфуцианство), часто нарушаются. Поэтому разрабатывается проект закона о защите прав верующих⁶⁵. Как сказал министр по делам религий Лукман Хаким Саифуддин, закон будет гарантировать свободу вероисповеданий сторонникам всех религий и верований. Он призвал не делить религии на официально признанные и прочие. После встречи с министром заместитель главы правозащитной организации СЕТАРА Бонар Напитупулу сказал, что, если новый закон будет принят, он аннулирует все дискриминационные законы и установления, включая совместные распоряжения министров внутренних дел и по делам религий о порядке возведения культовых сооружений, о секте Ахмадия и закон 1965 г. о богохульстве⁶⁶.

Судьба этого закона будет нелегкой. Пример – ожесточенная полемика вокруг вопроса об исключении из удостоверений личности графы «вероисповедание». Сторонники этой меры указывали, что запись в этой графе часто используется для поиска врагов в случаях межконфессиональных конфликтов. Эта же запись становится причиной для дискриминации при приеме на работу представителей религиозных меньшинств.

Министр внутренних дел Чахьо Кумоло в ноябре 2014 г. издал распоряжение, разрешающее не заполнять эту графу, не имея возможности разрешить вносить в нее «неофициальное» верование, что противоречило бы действовавшему закону⁶⁷. Лидер одной из двух крупнейших мусульманских организаций Нахдатул Улама Саид Акил Сирадж сказал, что это решение задевает чувства верующих, а глава бюро правовой помощи

руководства НУ Анди Назми Фуаиди счел, что оно может означать терпимость правительства по отношению к людям, не признающим Бога⁶⁸. В то же время заместитель председателя Совета улемов Индонезии Мааруф Амин поддержал инициативу министра, считая, что следование официально не признанным верованиям не противоречит конституции страны. Он, однако, выступил против удаления соответствующей графы⁶⁹, хотя и незаполненная графа может дать повод для дискриминации, вызвав подозрение в запрещенном в Индонезии атеизме.

Религиозная проблематика в течение известного времени будут занимать значительное место во внутривнутриполитической жизни. Знаменательным событием стала поездка президента в конце декабря в Папуа, приуроченная к празднованию Рождества. Министр по делам религий поздравил христиан с этим праздником. За день до этого председатель Совета улемов Дин Шамсуддин отменил действовавший с 1980-х гг. запрет мусульманам поздравлять христиан с Рождеством⁷⁰.

Но наряду с этим, протестантам Богора в 70 км от столицы полиция не разрешила провести рождественскую службу в церкви, которая уже в течение ряда лет опечатана местной администрацией по требованию исламистов. Демонстративно игнорируется решение Верховного суда, который еще в 2011 г. признал действия властей незаконными⁷¹. В Аче власти запретили любые мероприятия, связанные с празднованием Нового года, как не соответствующие законам ислама, мусульманской культуре. В новогоднюю ночь была запрещена продажа фейерверков, закрыты кафе и рестораны⁷².

В связи с терактом в Париже 7 января 2015 г. Марсуд Шухуд, генеральный секретарь Нахдатул Улама, призвал индонезийских мусульман проявлять зрелость, не реагировать насилием на выпады в адрес ислама, поскольку «никакое насилие, тем более, от имени религии, не может быть оправдано». Он напомнил, что во Франции публикуются карикатуры и на Папу Римского⁷³. Министр по делам религий заявил, что теракт в Париже «должен стать уроком для всех сторон. Индонезийским мусульманам не следует поддаваться на провокации, совершая бездумные акции, поскольку истинный смысл учения ислама заключается в гуманизме, а не в его умалении»⁷⁴.

Упомянувшийся выше А. Азра подчеркнул, что насилие со стороны тех, кто составляет в исламском мире меньшинство, вредит прежде всего умеренному большинству. В столкновении ислама с Западом нет ничего нового – крестовые походы были значительно более кровавыми и продолжительными. Проблемы уходят корнями не в религию: рост числа иммигрантов в Европе, главным образом мусульман, ведет к росту безработицы. «Экономическая ситуация в Европе ухудшается, хотим мы того или нет, и это отражается на людях. Среди иммигрантов-мусульман, неспособных интегрироваться, растет стремление достичь утопических, романтических (исламских) идеалов, в частности, создать халифат, надеясь, что это решит их проблемы». События в Европе, по его мнению, отражают конфликт между двумя крайностями – теми, кто ставит свободу превыше всего, и мусульманами-экстремистами, считающими, что путь к решению всегда лежит через насилие⁷⁵.

Мотив, объединяющий приведенные высказывания и характерный для позиций индонезийской элиты в целом, – безусловное осуждение террора, но в весьма взвешенных выражениях, призванных не задеть чувства мусульманского большинства и не ассоциироваться с позицией Запада. Это одновременно поиск глубинных причин экстремизма.

В условиях обострения ситуации в Южно-Китайском море отношения с КНР занимают особое место во внешней политике Индонезии. Эти отношения внутренне противоречивы. Индонезия, судя по высказываниям ее лидеров, видит угрозу своим интересам, проистекающую из политики КНР в этом регионе. В то же время, принимая заведующего Международным отделом ЦК Компартии Китая Ван Чжалуя 10 сентября 2014 г., С.Б. Юдойоно отметил, что за время его президентства с КНР установлено прочное взаимодействие, и выразил надежду, что новый президент продолжит этот курс⁷⁶.

Индонезийское руководство неизменно стремится избежать втягивания страны в китайско-американское соперничество в ЮВА. Госсекретарь США Дж. Керри, находясь в Джакарте 17 февраля 2014 г., выразил надежду, что Индонезия сможет играть более видную роль в достижении мирного урегулирования в Южно-Китайском море. «Мы поддерживаем лидерство Индоне-

зии в АСЕАН в интересах немедленного принятия правил поведения для смягчения напряженности»⁷⁷.

Через несколько дней главком вооруженных сил Индонезии генерал Мулдоко заявил в Пекине, что КНР и США являются стратегическими партнерами Индонезии, которая готова сотрудничать с любой страной в интересах мира и безопасности в регионе как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Но чтобы с ней считались, Индонезия должна придерживаться нейтралитета. В связи с наращиванием военного присутствия США в АТР, Мулдоко сказал: «Индонезия – крупная страна АСЕАН, является лидером и потому должна стать уравнивающим фактором в Южно-Китайском море и в АТР на основе строгого нейтралитета»⁷⁸. В интервью газете «Джакарта пост» 22 февраля 2014 г. Мулдоко сказал, что цель его поездки в КНР – развитие военного сотрудничества, поставки вооружения из КНР в Индонезию. Рост военной промышленности в Китае Индонезия рассматривает с точки зрения потенциального партнерства.

Министр обороны КНР Чан Ванкуан, принимая в сентябре 2014 г. в Пекине министра обороны Индонезии П. Юсгианторо, сказал, что Китай готов способствовать укреплению военного потенциала Индонезии, включая подготовку кадров и создание оборонной промышленности⁷⁹. Индонезия разрешила проход через Ломбокский пролив военных кораблей КНР, возвращавшихся из Аденского залива с учений по борьбе с пиратством. Это решение вызвало неудовольствие Канберры в условиях осложнившихся отношений между двумя странами в связи с прослушиванием австралийцами личных телефонов С.Б. Юдойоно⁸⁰.

Объем двусторонней торговли, составивший в 2014 г. 48,23 млрд. долл., предполагается довести в 2015 г. до 80 млрд. долл. Для сравнения: торговля КНР с Малайзией в 2015 г. составит 100 млрд. долл.⁸¹. Китайская сторона положительно относится к решению индонезийского правительства прекратить вывоз необработанного рудного сырья. Восемь китайских горнодобывающих компаний готовы строить плавильные мощности, сообщил министр промышленности Индонезии М.С. Хидаят⁸². Генеральный директор компании PT Krakatau Steel И.К. Хаким обеспокоен возможными поставками стали из Китая. Снижение ВВП

Китая на 1% ведет к излишку стали в 24 млн. т., и она может поступить на рынки ЮВА⁸³.

В то же время индонезийские деятели серьезно обеспокоены действиями Китая в регионе. В начале 2014 г. министр иностранных дел М. Наталегава заявил, что Индонезия выступает против создания Китаем зоны контроля над полетами в Южно-Китайском море (Air Defense Identification Zone), какую КНР уже создала в Восточно-Китайском море⁸⁴.

В ходе упоминавшегося выше визита в Пекин в начале 2014 г. генерал Мулдоко заявил, что Индонезия будет наращивать свое военное присутствие на островах Натуна в Южно-Китайском море ввиду нестабильности в этом районе мира⁸⁵. Месяцем позже в интервью сингапурской газете «Стрейтс таймс» генерал сообщил, что при встрече с командующим Тихоокеанским флотом США адмиралом Гарри Гаррисом он призвал США проявлять осторожность и не создавать здесь новую напряженность. Равным образом в Пекине он говорил, что не хочет холодной войны в Южно-Китайском море⁸⁶. Отметим, что индонезийский военачальник изъясняется в стиле, присущем главе государства.

Эту проблему полностью унаследовал новый президент. Как заявил глава его администрации Лухут Панджаитан, важно наращивать оборонный потенциал в районе Натуна. Официально Китай признает архипелаг территорией Индонезии, но в апреле 2014 г. индонезийские военные обвинили КНР в том, что на китайских картах часть архипелага отнесена к китайской территории. Представитель армии сказал, что Индонезия ведет добычу газа на Натуне вместе с американской фирмой Chevron и это должно послужить сигналом для Китая, что в случае чего ему придется иметь дело с США⁸⁷. Сохраняется двуединый подход к Китаю. КНР была одной из первых стран, которые Д. Видодо посетил в качестве главы государства. Находясь в Пекине в связи с форумом АТЭС, он заявил, что Индонезия хочет придать более конкретный характер партнерству с Китаем. Он, в частности, просил Си Цзиньпина, чтобы Китай принял более активное участие в развитии инфраструктуры, морского транспорта, железных дорог, портового хозяйства. Было отмечено совпадение концепции КНР (шелковый путь) и индонезийской доктрины

морской державы⁸⁸. Вернувшись в Джакарту, президент заявил, что Китай совершил огромный скачок в своем развитии, подчеркнул, что КНР не боится иностранных инвестиций, и призвал учиться у Китая⁸⁹.

18 декабря 2014 г. в посольстве Индонезии в КНР состоялся семинар с участием китайских бизнесменов, представлявших энергетику, горнодобычу, строительство, автотранспорт и торговлю. Семинар последовал за призывом индонезийской стороны проявлять большую смелость в инвестициях в Индонезии, учитывая, что индонезийское правительство приняло ряд мер, призванных расширить иностранные инвестиции. В начале 2015 г. объем китайских инвестиций в Индонезии составлял 800 млн. долларов (501 проект, восьмое место)⁹⁰.

Однако ощущение напряженности сохраняется. Как сообщил генерал Мулдоко, он призвал командование вооруженных сил Китая не допускать, чтобы развитие военного потенциала КНР в Южно-Китайском море привело к дестабилизации обстановке в регионе АСЕАН. По его словам, он выступал от имени всех военачальников Ассоциации⁹¹.

Пограничные вопросы остаются латентной причиной напряженности. В октябре 2014 г. начальник штаба ВМФ Индонезии адмирал Марсетио заявил, что из 10 стран, с которыми граничит Индонезия, только с Сингапуром урегулированы все вопросы, связанные с прохождением границы. Различия в подходах, по его словам, вызваны тем, что в пограничных районах находятся большие запасы природных богатств. Он поддержал позицию нового президента, который хочет превращения Индонезии в ведущую морскую державу, для чего нужны мощные вооруженные силы, способные обеспечить целостность и суверенитет государства⁹².

Украинская проблема не оказала влияния на отношения Индонезии с Россией, хотя Джакарта в принципе не могла занять благожелательную позицию по отношению к РФ в этой связи. Скорее всего, в Джакарте понимают реальную роль США в разжигании и усугублении конфликта. Но украинская ситуация во многих аспектах ассоциируется с сепаратизмом, остающимся угрозой для Индонезии. Однако пресса здесь весьма сдержанно

комментировала украинские события, и сколько-нибудь отчетливых антироссийских выпадов не отмечалось.

В феврале 2014 г. Индонезию посетила представительная делегация во главе с вице-премьером Д.О. Рогозиным, в составе которой были представители 40 крупнейших российских компаний. Как сообщил министр-координатор по экономическим вопросам Хатта Раджаса, РУСАЛ и другие компании согласились построить плавильные мощности на Западном и Восточном Калимантане, вложив в строительство 3 млрд. долл., и начать строительство железной дороги на Калимантане с таким же объемом инвестиций. Председатель Торгово-промышленной палаты Индонезии Сурьо Сулисто заявил: «Россия наш истинный друг. Она поддерживает наложенный нами запрет на вывоз руды, в отличие от Японии, которая угрожала пожаловаться на нас в ВТО». Д.О. Рогозин заявил, что внешняя политика России будет переориентирована на АТР, поскольку именно здесь будет определяться будущее человечества. Обсуждались и вопросы военно-технического сотрудничества⁹³. Газета «International NY Times» 25 марта 2024 года утверждала, что российские компании выигрывают от этой политики Индонезии и чуть ли не лоббировали этот запрет, поскольку в этой ситуации растет спрос на добываемые ими руды.

Министр торговли Индонезии Мухаммад Лутфи считает, что ухудшение отношений России с Западом выгодно Индонезии. Эмбарго, введенное Россией, позволит увеличить экспорт Индонезии, в том числе пальмового масла, каучука, леса, а из России получать пшеницу и пассажирские самолеты Сухого⁹⁴. В ходе визита в Джакарту министр промышленности и торговли РФ Д. Мантуров заявил 21 октября, что российская сторона готова вложить около 1,5 млрд. долл. в обогащение бокситов и никелевой руды. Первый объект будет построен на Калимантане с мощностью 2 млн. т. в год, а концентрат будет вывозиться в Китай для выплавки алюминия. В 2013 г. объем торговли достиг 3,52 млрд. долл.⁹⁵.

Глава Национального агентства по ядерной энергии Индонезии Сулистио Виснуброто заявил в интервью газете «Джакарта пост» 4 сентября 2014 г., что ведутся переговоры с Росатомом о сотрудничестве в строительстве в Индонезии первой атомной

электростанции. Это подтвердила представитель Росатома А. Кудрявцева, назвав наиболее перспективным в этом отношении остров Батам (провинция Риоу)⁹⁶.

В ноябре 2014 г. президент РФ В.В. Путин встретился в Пекине в рамках сессии АТЭС с президентом Джоко Видодо. Он указал, что экономические отношения между двумя странами развиваются недостаточно. Это вызвано, в основном, общим состоянием мировой экономики. Джокови призвал Россию инвестировать в энергетику, железные дороги, ирригацию, производство продовольствия, мануфактуру⁹⁷.

В декабре 2014 г. начальник штаба ВВС Индонезии маршал Ида Багус Дуниа заявил, что Индонезия закупит в России боевые гидросамолеты Бе-200, а в январе 2015 г. Министерство обороны приняло решение приобрести партию истребителей Су-35⁹⁸.

В 2014 г. продолжилось замедление темпов экономического роста – до 5,02% против 5,8% в 2013 г. и 6,2% в 2009 г.⁹⁹. Объем ВВП в текущих ценах в 2014 г. составил 10300 трлн. рупий (850 млрд. долл.). На обрабатывающую промышленность пришлось 21,02%, на сельское хозяйство – 13,4%¹⁰⁰. В известной мере это было вызвано некоторым ощущением неопределенности в условиях двух избирательных кампаний. В октябре 2014 г. Всемирный банк предупреждал, что ситуация в индонезийском парламенте существенно подрывает доверие инвесторов и в конечном итоге может отразиться на экономическом положении страны¹⁰¹. По словам главы Союза предпринимателей горнодобывающей промышленности, (Asosiasi Pengusaha Mineral Indonesia) Полтак Ситангганг, инвесторы ранее верили, что в эру Д. Видодо – Ю. Калла инвестиционный климат станет еще лучше, но настроения изменились, когда выяснилось, что парламент контролирует оппозиция¹⁰². Но этот фактор не был единственным. В течение всего года объем инвестиций снижался. Внутренние капиталовложения составили 6,7 трлн. рупий (около 550 млн. долл.) против 7,4 трлн. в 2013 г., иностранные инвестиции – 925 млн. долл. против 1,7 млрд. годом ранее¹⁰³.

Экспорт составил 176,3 млрд. долл., импорт – 178,2 млрд. Дефицит – 1,9 млрд. против 4,1 млрд. годом раньше. В то же время отмечалось снижение спроса на ряд товаров индонезий-

ского экспорта (уголь, пальмовое масло, каучук) вследствие замедления темпов экономического роста в Китае¹⁰⁴.

В планах нового правительства значится повышение темпов экономического роста до 7-8% в 2019 г., в том числе в обрабатывающей промышленности с 4,7% до 8,8%, а ее доля в ВВП должна увеличиться с 20,7% до 21,6%. Имеется в виду развитие инфраструктуры в рамках доктрины президента «Индонезия – морская держава». (Сейчас грузы легче отправить в Сингапур, чем на один из индонезийских островов). Предполагается построить 15 новых аэропортов (в дополнение к 237 существующим), 24 морских порта, 49 плотин, 3258 км железных дорог (5434 км в 2014 г.), 2650 км новых дорог, 1000 км автомагистралей, электростанции общей мощностью 35 тыс. мегаватт. Доля в ВВП туристической индустрии должна возрасти с 4,2% до 8%¹⁰⁵.

В ходе первых зарубежных поездок Д. Видодо призывал иностранный бизнес вкладывать средства в Индонезии. Внутри страны эти выступления вызвали критику со стороны приверженцев экономического национализма. Однако советник президента Фаузи Иксан считает, что Индонезия не может себе позволить более националистический курс в экономике. Дефицит текущего платежного баланса в 2013 г. составил 28 млрд. долл. против 24 млрд. в 2012 г. и положительного сальдо в 2011 г. В 2014 г. ожидался дефицит 25 млрд. вследствие падения цен на товары индонезийского экспорта. В этих условиях нельзя обойтись без иностранных инвестиций, и президенту придется противостоять давлению националистов. Выступая перед индонезийскими дипломатами 2 февраля 2015 г., Д. Видодо призвал их содействовать наращиванию иностранных инвестиций в стране¹⁰⁶. Напомним, что на выборах Д. Видодо говорил о сокращении зависимости от иностранных инвестиций.

Он ставит задачу достичь в течение трех лет самообеспеченности основными продуктами массового питания (рисом, кукурузой, соевыми бобами, сахаром) и параллельно создавать перерабатывающие мощности, совершенствовать системы ирригации, переходить к возобновляемым источникам энергии¹⁰⁷. Это позволит достичь продовольственной безопасности и создать новые рабочие места. В 2013 г. импорт продовольствия составил

14,9 млрд. долл. против 3,34 млрд. в 2003 г.¹⁰⁸. Производство сельхозпродуктов должно расти следующими темпами:

Рис (млн.т.) – с 70,6 в 2014 г. до 82 в 2019 г.

Кукуруза (млн. т.) – с 1,13 до 24,1

Соевые бобы (млн. т.) – с 0,92 до 2,6

Сахар (млн. т.) – с 2,6 до 3,8

Рыба (млн. т.) – с 22,4 до 40-50

Говядина (тыс. т.) – с 452,7 до 755,1.

Производство пальмового масла составило в 2013 г. 26,2 млн. т., в 2014 г. – 29,5 млн. т. Прогноз на 2015 г. – 31 млн.т.

Добыча нефти сократится с 818 тыс. баррелей до 700 тыс. баррелей в день, добыча газа (в пересчете на тыс. баррелей нефти в день) возрастет с 1224 до 1285, каменного угля снизится 421 до 400 млн. т. в год¹⁰⁹.

Скептики считают, что главные трудности проистекают из недостаточной эффективности управления, отсутствия прозрачности и состязательности в распределении заказов между предприятиями и компаниями. Известный риск связан с нестабильностью внешних факторов, возможностью замедления экономического роста КНР, колебаний финансовой политики США¹¹⁰.

Министр сельского хозяйства в прежнем кабинете Сувоно отмечал сокращение сельскохозяйственных площадей, достигающее 100 тыс. га в год, что угрожает продовольственной безопасности страны. Правительство может осваивать не более 60 тыс. га новых площадей. Чистая убыль – 40 тыс. га¹¹¹. С 2003 г. по 2013 г. число крестьянских хозяйств сократилось с 31,2 млн. до 26 млн. В среднем на одно хозяйство приходится 0,3 га при оптимальных размерах 2 га. Поэтому Сувоно не счел сокращение числа хозяйств отрицательным явлением, если высвобождающиеся площади не будут выбывать из сельскохозяйственного оборота¹¹². По данным Центрального статистического управления Индонезии, урожай риса в 2014 г. составил 79,83 млн. т. необрушенного зерна (на 0,6% меньше, чем в 2013 г.). Причина – снижение урожайности и сокращение посевных площадей на 41 000 га на Яве, что привело к потере 830 000 т. Вне Явы сбор риса вырос на 390 000 т.¹¹³

29 сентября парламент принял закон об ограничении иностранных инвестиций в плантационное хозяйство. Точные цифры установит правительство¹¹⁴.

С.Б. Юдойоно в бытность президентом уклонился от принятия непопулярного решения о сокращении субсидирования цен на нефтепродукты (автомобильное топливо и бытовой керосин), оставив это своему преемнику. Потребление нефтепродуктов составляло 1,5 млн. баррелей в день, а внутреннее производство – 800 тыс. баррелей. Остальное импортировалось по средней цене 11 тыс. рупий за литр, а продавалось по 6500 рупий¹¹⁵. Эти субсидии в 2009-2013 гг. обошлись бюджету в 714,5 трлн. рупий (59 млрд. долл.). Только в 2013 г. было затрачено 210 трлн. рупий, причем 92% этой суммы достались средним и высшим слоям и только 1% беднейшим 10% населения. За то же время 202,6 трлн. рупий ассигнованы на здравоохранение и 577 трлн. на развитие инфраструктуры¹¹⁶. Но рост цен на энергоносители отражается на транспортных расходах и косвенно на потребительских ценах.

В результате сокращения субсидий цены на наиболее популярные виды энергоносителей стали выше на 30-40%. В предстоящем бюджетном году это должно дать экономию около 120 трлн. рупий. Из них 24 трлн. пойдут на пособия 15,5 млн. беднейших семей, которые будут получать по 200 тыс. рупий в течение восьми месяцев. Часть средств будет затрачена на развитие инфраструктуры. В целом ни в парламенте, ни в массах эта мера не вызвала серьезного сопротивления.

С экономическим ростом углублялось социальное расслоение. За время президентства С.Б. Юдойоно доход на душу населения вырос с 10,5 млн. рупий в год в 2004 г. до 36,6 млн. в 2013 г. В то же время индекс GINI (единица – крайнее неравенство и 0 – полное равенство) поднялся с 0,34 в 2005 г. до 0,41 в 2014 г.¹¹⁷. В 1990 г. доходы самых богатых 10% населения в 5,9 раза превышали доходы беднейших 10%. В 2005 г. эта разница составляла 7,8 раза в 2011 г. – 9,5 раза. По некоторым данным, 0,2% населения владеют 87% национального богатства¹¹⁸.

Данные об уровне бедности противоречивы. По данным Центрального статистического бюро (Biro Pusat Statistik), в марте 2013 г. число бедных составляло 28,17 млн. человек (11,36%

населения), в сентябре того же года 28,6 млн. (11,46%), в марте 2014 г. – 28,28 млн. (11,25%), в сентябре 2014 г. – 27,73 млн. (10,91%). В сельской местности к этой категории относились 17,37 млн. (13,76%), в городской – 10,36 млн. (8,16%). Но аналитики сравнивают эти цифры с числом карт социальной защиты, выданных беднейшим семьям – 15,5 млн. семей, что составляет примерно 62 млн. человек. Программа же медицинской помощи беднейшим слоям населения (Badan Penyelenggara Jaminan Sosial Kesehatan) охватывает 86,6 млн. человек.

Порогом бедности в сентябре 2014 г. установлен доход в 312 328 рупий в месяц, что меньше 1 долл. США в день на человека. Всемирный банк установил этот порог на уровне 1,2 – 2 доллара. Комментируя эти цифры, газета «Суара пембаруан» в редакционной статье призывала новое правительство обозначить порог бедности на мировом уровне и соответственно усилить борьбу с нищетой¹¹⁹. Президент Д. Видодо считает, что реальное число бедных в стране превышает официальные данные – 28 млн. человек¹²⁰.

Во второй половине 2014 г. участились выступления рабочих, требовавших повышения заработной платы. Даже там, где она была уже повышена (в Большой Джакарте минимум был поднят на 12,5% с 2 400 тыс. рупий до 2 700 тыс.) это повышение было съедено ростом цен на энергоносители в связи с сокращением субсидий. В провинции Северная Суматра минимум равен 1025 тысяч. Заработная плата администрации предприятий в 100 – 200, а иногда и в 500 раз превышает оклады рабочих¹²¹. Законодательство предусматривает выплату рабочим значительных сумм в случае увольнения, поэтому работодатели переходят на краткосрочные контракты. Отсюда – их недостаточная заинтересованность в повышении квалификации рабочих.

Истекший 2014 г., возможно, стал началом нового этапа в политическом развитии Индонезии. Но события последних месяцев рассматриваемого периода и первые месяцы 2015 г. показывают, что фрагментация элиты по ряду векторов – военному, гражданскому и религиозному, а также внутри этих векторов, заставляет предположить, что исход позитивного развивающихся процессов еще не предрешен.

¹ Подробнее см.: А.В. Попов. Президентские выборы в Индонезии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. Выпуск XXIII, М., 2015; А.Ю. Другов. Индонезия Выборы 2014 г. // «Восток» (“Oriens”), №2, 2015.

² The Straits Times (Singapore), 15.08.2014. Лухут Панджаитан до 1998 г. командовал войсками специального назначения, в правительстве А. Вахида (1999 – 2001) был министром промышленности и торговли. До начала 2014 г. был членом Голкара, но вышел из него, чтобы поддержать Видодо. По данным той же газеты (28.10.2014) Л. Панджаитан еще в 2008 г. поставлял со своих лесных концессий древесину на мебельные фабрики Д. Видодо.

³ The Straits Times, 11.08.2014.

⁴ Suara Pembaruan, (Jakarta) 10.10.2014.

⁵ Antara News.com., (Jakarta) 26.09.2014.

⁶ Kompas (Jakarta), 11.12.2014.

⁷ Kompas, 15.09.2014.

⁸ The Straits Times, 18.09.2014.

⁹ Suara Pembaruan.com., 27.10.2014.

¹⁰ The Jakarta Globe, 31.10.2014.

¹¹ Sukardi Rinakit. The Role of the Military in the Future. // Soengeng Sarjadi, Sukardi Rinakit. Meneropong Indonesia 2020. Pemikiran dan Masalah Kebijakan. Jakarta, 2004. Hal. P.168.

¹² The Jakarta Post, 28.10.2014.

¹³ Ibid., 29.10.2014.

¹⁴ Kompas.com., 21.10.2014.

¹⁵ The Jakarta Globe, 02.01.20015.

¹⁶ Kompas.com., 25.11.2014.

¹⁷ Kompas.com., 11.12.2014; The Jakarta Post, 12,12,2014.

¹⁸ Kompas.com., 28.10.2014.

¹⁹ Suara Pembaruan, 02.12.2014.

²⁰ The Jakarta Post, 05.12.2014; Antara News com., 05.12.2014.

²¹ Kompas.com., 17.12.2014.

²² The Jakarta Post, 07.12.2014.

²³ The Jakarta Post, 09.12.2014. Избранный в 2014 г. вице-президентом Ю. Калла говорил в интервью ведущей столичной газете: «Все эти партии не созданы для того, чтобы быть в оппозиции. Они стали оппозиционными потому, что проиграли. Поэтому вполне возможно, что их позиция изменится» (Kompas, 04.09.2014).

²⁴ Suara Pembaruan, 16.12.2014; The Jakarta Post, 09.12.2014.

²⁵ The Straits Times, 06.09.2014

²⁶ The Jakarta Post, 08.10.2014; The Jakarta Post, 08.10.2014.

²⁷ Kompas.com., 12.03.2014.

- ²⁸ The Jakarta Post, 22.01.2014.
- ²⁹ The Jakarta Post, 22.01.2014.
- ³⁰ Ibid., 10.12.2014.
- ³¹ Ibid., 18.02.2014.
- ³² Ibid., 20.02.2014; 12.03.2014.
- ³³ Suara Pembaruan.com., 26.03.2014; 20.11.2014.
- ³⁴ The Straits Times, 18.04.2014.
- ³⁵ The Jakarta Post, 08.01.2015.
- ³⁶ Sinar Harapan.co., 09.01.2015.
- ³⁷ Kompas.com., 22.12.2014.
- ³⁸ The Jakarta Post, 23.12.2014.
- ³⁹ Kompas.com., 23.12.2014.
- ⁴⁰ The Jakarta Post, 28.11.2014.
- ⁴¹ The Jakarta Post, 11.12.2014.
- ⁴² The Jakarta Post, 12.12.2014; Antara Newas.com., 09.04.2015.
- ⁴³ The Jakarta Post, 31.12.2014.
- ⁴⁴ Ibid., 13.11.2014.
- ⁴⁵ Kompas.com., 20.10.2014.
- ⁴⁶ International New York Times, 22-23.02.2014.
- ⁴⁷ The Straits Times, 21.04.2014.
- ⁴⁸ The Jakarta Globe, 29.12.2014.
- ⁴⁹ Kompas, 08.11.2014; Sinar Harapan.co., 31.12.2014.
- ⁵⁰ The Jakarta Post, 24.12.2014.
- ⁵¹ Ibid., 15.09.2014.
- ⁵² Ansyaad Mbai. *Dinamik Baru Jejaring Teror di Indonesia*. Cetakan III, 2014. Hal. Pp. 207-208.
- ⁵³ The Sunday Times (Singapore), 10.08.2014. Министр иностранных дел М. Наталегави заявил: «Чисто силовые решения недолговечны и лишь создают новые проблемы. Поэтому Индонезия во всех случаях склонна искать корни проблем, источники нетерпимости у людей, исповедующих разные религии» (The Jakarta Post, 12.09.2014).
- ⁵⁴ The Straits Times, 15.07.2014; The Jakarta Globe, 08.04.2015.
- ⁵⁵ Kompas.com., 02.08.2014.
- ⁵⁶ Antara News.com., 04.08.2014; The Straits Times, 07.08.2014; The Jakarta Post, 08.08.2014.
- ⁵⁷ The Jakarta Post, 27.12.2014; Suara Pembaruan.com., 23.09.2014.
- ⁵⁸ The Jakarta Post, 08.12.2014. Министр обороны Р. Рьякуду призвал мусульманских священнослужителей говорить об опасностях ИГИЛ в школах-интернатах, во время молитв по пятницам и других религиозных мероприятий, насаждая более ясное понимание угрозы (The Jakarta Post, 2012.2014).
- ⁵⁹ Suara Pembaruan.com., 15.12.2014.

- ⁶⁰ Antara News.com., 19.12.2014.
- ⁶¹ The Jakarta Post, 04.10.2014; 06.10.2014.
- ⁶² Suara Pembaruan, com., 24.09.2014.
- ⁶³ The Jakarta Globe, 09.11.2014.
- ⁶⁴ The Jakarta Post, 06.11.2014.
- ⁶⁵ Sinar Harapan.co., 19.12.2014.
- ⁶⁶ The Jakarta Post, 11.11.2014.
- ⁶⁷ Antara News.com., 07.11.2014.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ The Jakarta Post, 13.11.2014.
- ⁷⁰ Ibid., 24.12.2014.
- ⁷¹ Sinar Harapan, 26.12.3014.
- ⁷² Ibid., 29.12.2014.
- ⁷³ Antara News.com., 13.01.2015.
- ⁷⁴ The Jakarta Globe, 15.01.2015.
- ⁷⁵ Ibid., 14.01.2015.
- ⁷⁶ Suara Pembaruan.com., 16.09.2014.
- ⁷⁷ The Jakarta Post. 17.12.2014.
- ⁷⁸ Antara News.com., 26.02.2014. Индонезийский политолог, бывший министр обороны Ювоно Сударсоно считает: «Самый серьезный вызов в области обороны для Индонезии заключается в том, чтобы постоянно уравновешивать (rebalance) США, Японию и Китай, не допуская, чтобы соперничество великих держав привело к серьезным потрясениям или прямым вооруженным конфликтам между ними или странами региона (The Straits Times, 09.07.2014).
- ⁷⁹ Antara News.com., 23.09.2014.
- ⁸⁰ The Jakarta Post, 15.02.2014.
- ⁸¹ Antara News.com., 09.11.2014; Suara Pembaruan, 23.04.2015.
- ⁸² Kompas.com., 02.06.2014.
- ⁸³ Antara News.com., 2011.2014.
- ⁸⁴ The Straits Times, 19.02.2014.
- ⁸⁵ Antara News.com., 27.02.2014.
- ⁸⁶ The Straits Times, 27.03.2014.
- ⁸⁷ The Jakarta Globe, 10.12.2014.
- ⁸⁸ The Jakarta Post, 10.11.2014.
- ⁸⁹ Sinar Harapan.co., 18.11.2014; The Jakarta Globe, 10.11.2014.
- ⁹⁰ The Jakarta Post, 19.12.2014; Suara Pembaruan, 23.04.2015.
- ⁹¹ Kompas.com., 22.12.2014.
- ⁹² Ibid., 09.10.2014.
- ⁹³ The Jakarta Post, 26.02.2014: Antara News.com., 25.02.2014.
- ⁹⁴ Kompas.com., 08.08.2014.
- ⁹⁵ The Jakarta Post, 22.10.2014.

- ⁹⁶ Kompas, 05.09.2014.
- ⁹⁷ Suara Pembaruan.com., 10.11.2014.
- ⁹⁸ Sinar Harapan.co., 29.12.2014; 16.01.2015.
- ⁹⁹ The Straits Times, 06.02.2014.
- ¹⁰⁰ Suara Pembaruan.com., 05.02.2015.
- ¹⁰¹ Kompas.com., 06.10.2014.
- ¹⁰² Suara Pembaruan.com., 08.10.2014.
- ¹⁰³ The Jakarta Post, 05.01.2014.
- ¹⁰⁴ The Jakarta Post, 02.02.2015; Financial Times (L), 26.06.2014.
- ¹⁰⁵ The Jakarta Post, 19.12.2014.
- ¹⁰⁶ The Jakarta Post, 10.11.2014; The Jakarta Globe, 02.02.2015.
- ¹⁰⁷ Antara News.com. 15.11.2014.
- ¹⁰⁸ Kompas.com., 09.10.2014.
- ¹⁰⁹ The Jakarta Post, 19.12.2014; Kompas, 08.01.2015.
- ¹¹⁰ The Jakarta Post, 19.12.2014; 20.12.2014.
- ¹¹¹ Antara News.com., 30.09.2014.
- ¹¹² Kompas.com., 30.09.2014.
- ¹¹³ The Jakarta Globe, 06.03.2015.
- ¹¹⁴ The Jakarta Post, 30.09.2014.
- ¹¹⁵ The Straits Times, 29.08.2014.
- ¹¹⁶ The Jakarta Globe, 05.11.2014; The Straits Times, 22.04.2014.
- ¹¹⁷ The Straits Times, 02.09.2014.
- ¹¹⁸ Suara Pembaruan.com., 10.01.2014; Antara News.com., 13.09.2014.
- ¹¹⁹ Suara Pembaruan, 15.11.2014; Antara News.com., 02.01.2015.
- ¹²⁰ Sinar Harapan, 12.02.2015.
- ¹²¹ The Jakarta Post, 11.12.2014; Antara News.com., 13.08.2014.